

Едва удерживая в руках поднос, заставленный деликатесами, Лера медленно шла в комнату: на кухне телевизора не было, а она хотела посмотреть передачу, ведь ей так редко удавалось просто посидеть у экрана, выкинув из головы мысли о работе! Лера питала особую слабость к постановочным «судебным» шоу — во-первых, потому, что дела рассматривались интересные, а во-вторых, ей нравился ведущий — настоящий прокурор. По работе с Никитой Роговым Лера пока не сталкивалась, но его лично знала Алла Суркова, ее непосредственная начальница в Следственном комитете, и поэтому девушке казалось, что она как будто тоже немного с ним знакома. Правда, в шоу Рогов исполнял роль судьи. Он не просто отлично смотрелся в кадре, но и обладал отменным чувством юмора, что делало его программы еще приятнее. Короче, Рогов не походил на большинство юристов, работающих в правоохранительной системе: в лучшем случае, они — просто неплохие ремесленники, а в худшем — недоучки, с трудом окончившие юрфак и считающие себя корифеями только потому, что у них имеется соответствующий диплом, а на самом деле плохо разбирающиеся в законах и путающиеся в определениях. Это в детективных сериалах адвокаты говорят эзоповым языком, завораживая публику цитатами из Кафки и Ницше. В реальности они редко правильно согласовывают падежи и читают что-то, помимо документов по делу, которое в данный момент ведут. Рогов был другим — умным, начитанным и саркастичным, и потому он нравился Лере.

Она надеялась, что в настоящем зале суда он так же хорош, как и в студии.

В этот раз мама особенно расстаралась: бастурма, нежный лосось горячего копчения, острый сыр — м-м-м, объедение! Правда, Галина Федоровна упала бы в обморок при виде того, как ее кровиночка за обе щеки уписывает мясо с рыбой, заедая их корнишонами в меду и запивая все это сладким чаем. Вкусовые привычки младшей дочери всегда казались матери странными, и она не уставала ей за это выговаривать, но Лера ничего не могла с собой поделаться. Она любила смешивать еду и искренне полагала, что главное для цивилизованного человека — не привычные сочетания продуктов, а умение пользоваться столовыми приборами при их поедании, потому что все остальное — дело вкуса.

Дело, рассматриваемое в программе, напоминало реальное, имевшее место года два назад: известный питерский фотограф в припадке ревности убил жену, распилил тело на части и хранил их на балконе пару зимних месяцев. В конце февраля он вывез останки и захоронил их в лесополосе. Ситуация была интересна тем, что при первом рассмотрении обвиняемого оправдали, и лишь после вмешательства прессы и телевидения дело вернули на доследование, состоялся другой суд, и фотографа упекли в колонию общего режима на пятнадцать лет. Отягчающим обстоятельством послужило то, что он не просто убил жену, но еще и разделал труп, как коровью тушу. Кроме того, пока тело матери лежало в пакетах на заснеженном балконе, ее дети находились в квартире вместе с отцом-убийцей! Однако Лера заметила, что создатели шоу кое-что изменили, пытаясь усилить интригу, добавив возможных подозреваемых и ненадежных свидетелей, дающих разные показания с интервалом в пару минут. Поэтому Лере, знавшей о том случае очень хорошо, стало интересно, и она даже начала сомневаться, что фотограф и в самом деле виновен.

В тот момент, когда Рогов вызвал последнего свидетеля, раздался телефонный звонок. Полная решимости не брать трубку, если звонят мама или сестрица, Лера с удивлением увидела на экране номер Аллы Сурковой, своей непосредственной начальницы. Та почти никогда не звонила ей домой, предпочитая решать все вопросы на работе, где они обе и так проводили большую часть времени.

— Добрый вечер, Лера! — голос начальницы звучал бодро, словно она только что вернулась со средиземноморского курорта. — Вы уж простите, что беспокою вас дома в такое время, но у меня к вам большая просьба.

— Слушаю, Алла Гурьевна! — встрепелась Лера: «просьбы» Сурковой обычно означали, что она собирается подкинуть своей протеежке какое-то интересное дельце. Это пришлось бы весьма кстати: дела, которые вела сейчас Лера, казались простыми и не требовали большого напряжения мозгов, зато бумажной работы предстояло море!

— Кто-то вломился в квартиру, ограбил ее и убил находившуюся там девушку, — пояснила Суркова.

— Взлом с проникновением и убийство? — удивилась Лера. — А почему этим занимается Следственный комитет, можно узнать?

— Можно: квартира принадлежит матери недавно назначенного прокурора города.

Вот оно что! Ну, разумеется: если бы не причастность к делу большой «шишки», убийством и ограблением занялись бы местные полицейские, но — прокурор города...

— Погодите, — внезапно осенило Леру, — вы о Рогове говорите? О Никите Рогове?

— Совершенно верно, — немного удивленно подтвердила Суркова. — А что, есть проблемы?

— Да нет, никаких проблем, Алла Гурьевна, диктуйте адрес!

Не рассказывать же ей, что Лера смотрит шоу с участием Рогова в качестве актера!

Дозвониться Лере удалось только до Севады Падояна, и он пообещал подъехать прямо на адрес, чтобы уже там встретиться с ней.

Инна Георгиевна Рогова, владелица ограбленной квартиры, проживала в «сталинском» доме на улице Воскова, что на Петроградке. Это место всегда считалось одним из самых престижных, а уж сейчас, когда большинство зданий подверглось капремонту, а старые снесли, воздвигнув на их месте новые элитные дома, цены на местную недвижимость стали зубастыми, как парагвайские кайманы! Лере нравился этот район с красивыми узкими улицами и яркими, но не кричащими витринами дорогих магазинов. Единственным, что слегка портило впечатление, было скудное количество зеленых насаждений, отличающих более новые кварталы, но все-таки это — исторический центр со всеми вытекающими, а насладиться свежим воздухом можно и за городом.

Территория оказалась закрытой: маленький двор с круглым ухоженным газончиком отделяли от улицы чугунные ворота. Севада поджидал Леру у подъезда.

— Эксперты уже работают, — сообщил он. — Их Суркова вызвала, а хозяин... ну, то есть, прокурор, с ними.

— А где носит Виктора и Леонида? — поинтересовалась Лера.

— Так выходной же! — развел руками опер. — Леня, кажется, за город поехал, а у Логинова телефон вообще отключен! Так что нас двое.

Не самый плохой расклад: Севада нравился Лере тем, что, в отличие от Виктора Логинова, мнившего себя пупом земли, на него всегда можно было положиться. Они позвонили в домофон и, получив приглашение, вошли. Конечно, этот старый дом — не чета современному, где при входе есть и консержка в отдельной кабинке, и мраморный холл, освещенный множеством светильников, однако в этом чистеньком, хоть и простоватом подъезде было какое-то свое очарование. Дверь в квартиру оказа-

лась полуоткрыта: в самом деле, к чему запирается, когда внутри полно народу, и каждую минуту могут подтянуться еще люди? Лера узнала Рогова сразу: он выглядел почти так же, как на экране — ну, разве что чуток постарше: умело наложенный в студии грим скрывал мелкие морщинки в уголках глаз и рта. Прокурор нервно курил на небольшой уютной кухне, оснащенной по последнему слову техники. Громоздкий холодильник не поместился в само помещение, поэтому его впихнули в нишу между кухней и прихожей. При виде Леры на лице Рогова появилось выражение разочарования.

— Я думал, Суркова приедет! — процедил он сквозь зубы. — Вы кто?

— Валерия Юрьевна Медведь, — представилась она.

— Прям *Медведь*? — переспросил он и вдруг улыбнулся, и его мрачное лицо приобрело дружелюбное выражение — такое, какое она привыкла видеть по телевизору.

Лере хотелось сказать, как она любит его передачу, но она сочла это неуместным в данных обстоятельствах. Вместо этого она спросила:

— Так квартира не ваша, Никита Терентьевич?

— Моей матушки, — кивнул он. — Она в отъезде, в санатории в Зеленогорске. Вот-вот должна вернуться... черт, даже не представляю, как сообщу ей о случившемся — она с ума сойдет!

— Здесь же не только ограбление, я правильно понимаю — кто-то убит?

— Да, Катя...

— Ваша родственница? — сочувственно уточнила Лера.

— Нет, она за матушкиной квартирой присматривает... то есть присматривала. Видите ли, матушка любит дома отдыха, санатории и всякие такие дела, а дома ей сидеть скучно. Так что, если сложить вместе все ее поездки, едва ли она проводит дома больше восьми месяцев!

— Понимаю, — пробормотала Лера, прикидывая в уме, сколько же денег надо, чтобы постоянно разъезжать по довольно дорогим заведениям.

— Ее второй муж был известным режиссером, — словно в ответ на ее мысли, добавил Рогов. — Гавриил Жеребцов, может, слышали?

— Конечно! — воскликнула Лера. — Он же снял тот знаменитый сериал...

— «Последний конвой», да, — подтвердил прокурор. — И еще много чего, но все почему-то помнят только этот фильм.

Лера смотрела его подростком, и это был один из немногих отечественных сериалов, который она считала по-настоящему захватывающим. Ну, тогда понятно, откуда у вдовы режиссера финансы на поездки — все законно!

— Где тело? — деловито спросила она.

— В гостиной, — вздохнул прокурор, нервно теребя пальцами сигарету. — Так жаль...

Двое понятых, видимо, супруги, переминались с ноги на ногу на пороге гостиной: они определенно чувствовали себя не в своей тарелке — не удивительно, ведь не каждый день приходится присутствовать на месте убийства! Погибшая девушка лежала на ковре лицом вниз. Светлые волосы до плеч, стройная фигура, облаченная в джинсы и футболку. Лица под волосами Лера не разглядела и не стала беспокоить экспертов, возившихся около трупа.

— Как предварительно определяете причину смерти? — задала она вопрос, заметив в группе знакомое лицо Ильи Томилина.

То, что сюда нагнали целую бригаду, несомненно — следствие высокого положения потерпевшего, иначе обошлись бы одним-двумя спецами.

— Если предварительно, то — удушение, — ответил Илья.

Ей нравился этот немолодой, постоянно взъерошенный мужчина, предпочитавший, несмотря на худобу, мешковатый стиль в одежде, отчего смотрелся забавно и как-то несерьезно. Но он отличался вниманием к деталям, и Лера могла не беспокоиться, что Томилин что-то пропустит.

— Чем душили?

— Трудно сказать без исследования, — покачал головой эксперт. — Странгуляционная борозда довольно широкая — возможно, шарфом или платком? Но ничего похожего здесь нет.

— Значит, злодей унес орудие убийства с собой, — задумчиво проговорила Лера, обходя тело за спинами коллег. — Есть еще зацепки?

— Следы борьбы повсюду, как вы и сами можете видеть: деваха отчаянно сопротивлялась. Надеюсь обнаружить под ее ногтями эпителий нападавшего, если повезет.

— Отпечатки?

— Море!

— Каково приблизительное время смерти?

— Судя по температуре тела, с десяти до двенадцати ночи, точнее скажу позже.

Лера отошла подальше, пытаясь охватить взглядом сцену преступления. Жертва и впрямь дала убийце достойный отпор: в комнате царил полный бардак. На полу валялись осколки напольной вазы — судя по всему, антикварной, массивные кресла сдвинули с мест, стеклянный журнальный столик треснул, но не разбился — видимо, на него падали. Створки красивого резного буфета были распахнуты, а все содержимое безжалостно вывалено на пол — альбомы с фотографиями, какие-то документы...

— Что взяли? — спросила она, обращаясь к прокурору: он уже докурил и вернулся в комнату.

— Трудно сказать — надо, чтоб матушка взглянула. Навскидку, нет шкатулки с деньгами, но там было, ду-

маю, не больше десяти тысяч: матушка не хранит дома много.

— А драгоценности?

— У нее есть дорогая ювелирка, но она каждый раз, уезжая, отвозит все ко мне. Это я ее попросил, ведь она так часто отсутствует!

— Мудрое решение! Так, выходит, тут особо и нечем поживиться было?

— Было чем, но, полагаю, либо преступник не разбирался в антиквариате, либо счел, что вытащить его из квартиры незаметно не сумеет. Технику тоже не взяли, кстати, — добавил Рогов, кивнув на большой плазменный телевизор, висевший на стене. Под ним валялись сбитые колонки домашнего кинотеатра.

— Интересно, за чем же он, или они, тогда приходил? — вслух задалась вопросом Лера. — Вряд ли для того, чтобы убить девушку... Как вы сами-то оказались в квартире?

— Зашел за кое-какими документами, которые хранятся у матушки, — пояснил прокурор. — А тут — такое!

— Она жила здесь или просто приходила?

— Катя здесь живет... жила на постоянной основе, когда матушка уезжала.

— У нее есть свое жилье?

— В общежитии университета.

— Она студентка?

— Юридического факультета.

— А каковы были ее обязанности?

— Ну это лучше опять же у матушки поинтересоваться. Думаю, полить цветы там, кота покормить, пыль стереть.

— Кота? — переспросила Лера. — Я что-то не видела здесь никакого кота.

— Он, видимо, от испуга куда-нибудь забился: слишком много народу сюда набилось.

— Понятно...

Итак, у случившегося, возможно, имеется свидетель, вот только разговорить его вряд ли удастся, ведь переводчик с кошачьего — профессия редкая, если она вообще существует.

— Дверь была заперта или открыта, когда вы пришли? — спросила Лера прокурора.

— Она захлопывается. Замок не взломан, если вы это имеете в виду.

— Выходит, Катерина сама открыла дверь своему убийце?

— Получается, так.

— Значит, либо она его знала, либо это был кто-то, кто обычно вне подозрений — доставщик еды или, допустим, ремонтник какой-нибудь, — принялась Лера вслух строить предположения. — В прихожей следы борьбы отсутствуют — значит, на девушку напали не сразу. Она вряд ли пригласила бы доставщика в гостиную, верно?

Прокурор согласно кивнул. Лере показалось, что он ведет себя слегка отстраненно. Конечно, ограбили не его, но все-таки квартиру не чужого человека, родной матери — «матушки», как он ее называет.

— Мы закончили, — объявил Томилин, приближаясь. — Тело забираем.

— Хорошо, — кивнула Лера. — Постарайтесь как-нибудь по-тихому, чтобы соседи... Ну, вы понимаете.

Она наблюдала, как труп положили на носилки, накрыв сверху простыней. Ей всякий раз становилось невыразимо грустно при выносе тела, ведь этот человек имел какую-то свою жизнь, надежды, мечты, а теперь всему это пришел конец по чьей-то злой воле! Особенно печально, когда погибает кто-то молодой, у кого все было впереди — вот как в этом случае.

Неслышно подошел Севада.

— Я осмотрел другую комнату и санузлы, — сообщил он.

— И?

— Ничего интересного: похоже, все происходило только здесь. В принципе вряд ли убийца стал бы шариться в ванной и туалете в поисках ценностей.

— А вот и не скажи, — возразила Лера. — Куда только народ не прячет свое кровное — и в бачок унитаза, и в пакеты с прокладками, и в морозильник.

— Твоя правда, — кивнул опер. — Даже в цветочные горшки: профессионал везде найдет.

— Да, вот только что же он искал такое ценное, что решился на убийство?

— Может, не ожидал никого здесь встретить? Стару... в смысле, хозяйка отъехала, он думал, что хата пустая, а тут — сюрприз-сюрприз, и пришлось импровизировать?

— Не исключено... Значит так, Севада: давай-ка дуй по квартирам — может, кто-то видел что-то или слышал шум. Участкового с собой прихвати, лады?

— Сделано! А ты чем займешься?

— Опрошу Рогова поподробнее, а потом вернусь в офис. Ты, как закончишь, тоже приезжай — попробуем составить картину преступления в общих чертах для доклада Сурковой.

Когда Падоян ушел, Лера присела на диван, жестом предлагая Рогову присоединиться, и достала блокнот.

— Итак, когда точно вы пришли в квартиру вашей... — начала она задавать первый вопрос для протокола, когда в прихожей раздался шум.

Лера, прокурор и эксперты одновременно повернули головы к двери, на пороге которой через мгновение возникла дородная фигура, облаченная в стильный кардиган, надетый поверх шелкового платья. Вместе с дамой в комнату проник аромат дорогих духов.

— Что здесь, ради бога, происходит?! — зычным контральто спросила вновь прибывшая, окидывая орлиным взором развороченную гостиную. — Кит, что... что случилось?!

— Мама?! — изумленно воскликнул Рогов, вскакивая на ноги. Лера последовала его примеру, оказавшись лицом к лицу с матерью прокурора.

Небольшой рост пожилой женщины компенсировали высокие каблуки, что позволяло поздравить ее с отсутствием обычных для ее возраста проблем с костями и позвоночником. На голове Роговой красовалась умопомрачительная красная шляпа с широкими полями: Лера подумала, что для столь низкорослой дамы, пожалуй, она великовата — уж больно напоминает шляпку гриба, как формой, так и цветом!

— Меня, что... ограбили?! — прошептала хозяйка квартиры. — О боже, моя ваза... Кит, кто это все натворил?!

— Мама, ты только не волнуйся... — забормотал прокурор города, и Лера искренне пожалела его: высокая должность сына мало что значила для его мамы, для нее он оставался мальчишкой, которого можно прилюдно отчитывать за плохое поведение.

— Не волнуйся — ты шутишь?! — перебила Рогова, проходя дальше в комнату и озираясь по сторонам. — Какой кошмар, какой... А вы, девушка, кто? — наконец, заметила она Леру.

Та представилась.

— Такой молодой следователь? — недоверчиво переспросила Рогова. — Кит, а что, поопытнее никого не нашлось?

— Мама, давай ты не будешь высказывать сомнений по поводу компетентности моих коллег! — неожиданно проявил мужественность прокурор. — Валерия Юрьевна — опытный специалист, а ты, уж извини, совершенно не разбираешься в следственных действиях!

Рогова собиралась что-то на это ответить, но потом передумала и с тяжелым вздохом опустилась в кресло.

— Я принесу тебе водички, — снова становясь кротким и послушным сыном, сказал Рогов и вышел в коридор.

— Вы уж простите, девуш... то есть, Валерия, что я вот так сорвалась! — пробормотала хозяйка квартиры, медленно снимая свою потрясающую шляпу и снова окидывая растерянным взглядом окружающий ее бедлам. — Просто... все это так... ужасно!

— Я вас прекрасно понимаю, — заверила ее Лера, ничуть не обиженная первоначальной реакцией потерпевшей: она была вполне приемлемой, ей и не с таким приходилось сталкиваться в своей практике. — Но вы же должны быть в санатории, я правильно понимаю?

— Как видите, я вернулась! Должна была только к вечеру, но тут соседка позвонила и сказала, что понаехали какие-то люди, дверь в квартиру нараспашку... Что украли?

— Ваш сын говорит, что вы не держите здесь драгоценностей и больших денежных сумм?

— Это правда — и, как выясняется, правильно делаю!

— Он сказал, что технику и антиквариат не тронули, — добавила Лера.

— Слава богу! Но зачем тогда..?

— Убита девушка, которая присматривала за квартирой.

— Катя... убита?!

Рогова побледнела так, что Лера испугалась за ее здоровье. Очень вовремя появился прокурор со стаканом воды.

— Я накапал тебе корвалола, — предупредил он, передавая его матери. Та, стуча зубами о стекло, выпила половину и откинулась на спинку кресла, прикрыв глаза.

— Кит, они убили Катю! — простонала она. — За что?!

— Я знаю, мам, — вздохнул Рогов, забирая у нее стакан. — Мы во всем разберемся...

Внезапно пожилая дама принялась оглядываться, словно в поисках чего-то.

— А где же... где же Леопольд?! — пробормотала она. — Леопольд! Леопольд!

Лера перевела взгляд на Рогова.

— Леопольд — это ее кот, — тихо пояснил он. — Мама, мы его найдем, попозже!

— Да какое попозже! — взвизгнула Рогова, с неожиданным проворством вскакивая на ноги. — Леопольд!!!

— Он где-нибудь прячется, мама, ведь тут было столько незнакомых людей...

— Леопольд сразу вышел бы на мой голос! — возразила Рогова, продолжая метаться по комнате. — Он всегда встречает меня... Леопольд!

— Может, он выскочил, когда дверь была открыта? — едва слышно предположила Лера, обращаясь к прокурору. — Народ ведь сновал туда-сюда!

— Тогда дело плохо! — так же тихо ответил Рогов. — Матушка без ума от этого черного монстра и сживет меня со свету, если он действительно пропал!

Рогова кинулась в коридор, видимо, собираясь осмотреть всю квартиру в поисках кота. Лера и прокурор обреченно последовали за ней, понимая, что, пока она не отыщет питомца, разговаривать с ней смысла не имеет.

* * *

— Так значит, у старушки пропал котик?

Они с Алексом сидели на террасе уютного ресторанчика на улице Рубинштейна, глядя на оживленный транспортный поток и людей, праздно шатающихся по улице в этот вечерний час.

Лера познакомилась с Алексом недавно, на праздновании пятой годовщины свадьбы сестры. Встреча была подстроена мужем Эльвиры по просьбе матери сестер, обеспокоенной тем, что у Валерии нет постоянного кавалера. В отличие от большинства подобных «свиданий вслепую», это оказалось удачным, и молодые люди начали встречаться. Алекс, в миру — Александр Жегарин, занимался торговлей антиквариатом, а в свободное время

реставрировал старинную мебель, так как в свое время получил профессию краснодеревщика. Он оказался разносторонне развитым человеком и мог часами рассказывать о своих путешествиях. Лера оценила его чувство юмора и умение слушать. Алекс не только говорил, но и задавал вопросы о ее работе и жизни, а это означало, что она ему и в самом деле небезразлична: Лере слишком часто приходилось общаться с мужчинами, занятыми только собственной персоной.

— Тебе смешно, а она просто в отчаянии! — с укоризненной ответила Лера на замечание спутника, правда, тоже не в состоянии сдержать улыбки. — И это не просто котик, а мейн-кун, понятно?

— Кто-кто?

— Вот, гляди, — Лера достала телефон и показала ему снимок, предоставленный Роговой.

— Здоровенный какой! — удивился Алекс. — А ты уверена, что это кот?

— Точно — кот, — заверила его Лера. — Я в интернете посмотрела: мейн-куны и впрямь огромные, могут весить до двенадцати кило!

— Ого!

— Мамаша прокурора места себе не находит, просит котика найти, — вздохнула Лера.

— Ну да, чтоб СК занимался поиском домашних животных! — хохотнул Алекс. — А мышей ловить в подвале вас еще не просили?

— Зря смеешься, — серьезно сказала Лера. — Учтывая факт, что Рогов — прокурор города со множеством связей, могут и мышей...

— Слушай, а не могли его украсть?

— Это после убийства-то?

— Ты же сама говоришь, что ничего ценного не взяли — может, решили хоть как-то компенсировать «затраты»? Такого котяру с руками оторвут на рынке!

— Мы, конечно, попробуем выяснить, не пытался ли

кто недавно сбить с рук мейн-куна, но, боюсь, это ложный след.

— Тогда зачем лезли в хату?

— У нас две основные версии. Первая: в квартире хранилось нечто, нужное вору, а девушка просто оказалась не в том месте и не в то вре...

— Но что же могло быть ему нужно? — перебил Алекс.

— Прокурор сказал, что заскочил в квартиру матери, чтобы забрать какие-то бумаги, которые там хранил. Правда, он утверждает, что они не пропали, но вор мог и не знать, что нужные ему документы отсутствуют. Или в доме было что-то еще, о чем ни Рогов, ни его мамаша почему-то не желают говорить.

— Ты же сказала, что замок не взломан, — заметил Алекс. — То есть девица сама открыла дверь?

— Или так, или у преступника имелись ключи, — согласилась Лера. — И тут мы подбираемся ко второй версии: злодей охотился именно за девушкой, а не за хозяйским добром!

— То есть, он проник в квартиру с целью убийства?

— Ну, может, он и не планировал убивать, — пожалала плечами Лера. — Если она сама его впустила, возможно, поначалу все было нормально, а потом произошло нечто, выведшее его из себя. Катю задушили, а не зарезали и не застрелили, что позволяет предположить непреднамеренное убийство.

— И что вы намерены делать?

— Изучим ее окружение, выясним, с кем у нее были «терки», кто мог желать ей зла — бывшие парни, работодатели и так далее.

— Тебя будут прессовать, — заметил Алекс. — Если в деле замешан прокурор города...

— Да уж, можно не сомневаться, — уныло кивнула Лера. — С другой стороны, если удастся правильно «раскрутить» это дело, можно ожидать раздачи «слонов»!

— Что ж, желаю удачи! Как насчет десерта?

Алла сидела напротив генерал-майора юстиции и наблюдала за его руками, терзающими кубик Рубика: она уже лет двадцать не видела ни у кого этой головоломки, столь популярной в восьмидесятые и девяностые годы прошлого века! Интересно, где Кириенко ее откопал?

— Значит, ты поручила дело Медведь? — произнес он, наконец. — А по зубам ли оно ей?

— Вы на возраст намекаете, Андрон Петрович?

— И на это — тоже, она ведь «зеленая» совсем!

— В деле Вагнеров Валерия проявила себя наилучшим образом! — возразила Алла.

— Согласен, и все же... Ты же понимаешь, что это дело будет у всех на устах? СМИ обязательно раздуют скандал: как же, ограбили самого прокурора города! Мы с тобой оба в курсе, сколько вопросов и кривотолков вызвала его кандидатура.

— В основном из-за участия в телешоу.

— Не только. Видишь ли, ты, Аллочка, не знаешь всего — строго говоря, ВСЕГО не знает никто, но мне известно чуть больше, чем тебе. Рогов — весьма спорная фигура, и за ним стоят люди, пока еще способные побороться с серьезными силами, которые до сих пор не вышли на авансцену!

— Политика — не мой конек, Андрон Петрович, — покачала головой Алла. — Я в ней не разбираюсь!

— А пора бы уж и начинать.

— Зачем, ведь есть вы!

— Пока.

— То есть? — встревожилась она. — Вы куда-то собираетесь?

— Рано или поздно это произойдет, — мягко проговорил Кириенко. — И когда я уйду на покой, мне хочется, чтобы мое место занял человек, способный не только отлично работать, но и лавировать в море, полном хищ-

ных рыб, готовых сожрать каждого, кто зазеваётся или отнесётся к ним недостаточно серьёзно! Я о тебе говорю, если ты ещё не поняла!

— О нет, Андрон Петрович, я не готова!

— Время есть, я пока не на пенсии, но тебе пора начать задумываться о будущем, понимаешь? Поверь, я предлагаю наилучший расклад: ты можешь представить, что на это место придет «новая метла», скажем, из Москвы, и начнет перестраивать тут все — от собственного кабинета до стиля работы!

— Но...

— Никаких «но», я уже все решил! Вернемся к Рогову. Он — человек непростой, и помни, что за ним стоят не только люди нашего круга: СМИ тоже имеют влияние, и весьма серьезное! Твоей протееже надо готовиться к беспрецедентному давлению со всех сторон — как считаешь, готова Медведь к такому раскладу?

— Посмотрим.

— Только гляди в оба, ладно? Если «посыплется» она, то и нас с тобой забрызгает!

Алла отлично понимала, о чем говорит ее босс, поэтому даже не пыталась возражать.

— А теперь расскажи мне, как продвигается дело об убийстве и ограблении того ювелира, как его...

— Фельдмана.

— Да, точно — вот память у меня стала, дырявая как решето!

Алла не стала льстить Кириенко словами о том, что держать в голове все дела, поступающие в комитет, с фамилиями фигурантов — особый талант, а генерал-майор обладал им в полной мере. Кроме того, что это дар, так еще и большой труд: Алла знала, как много времени начальник тратит на изучение каждого дела, а не только самых «громких», которые могут принести политические или иного рода дивиденды. Вряд ли она сумела бы выполнять его работу так же скрупулезно и с той же

отдачей, или для этого ей пришлось бы поселиться в кабинете и выходить только по большой и малой нужде — на личной жизни пришлось бы поставить жирный крест! А часики-то тикают: в последние полтора года ее не оставляли мысли о ребенке, которого надо «успеть завести» до того, как ее биологический возраст станет препятствием.

— Пока особых подвижек нет, — вздохнула она, отвечая на вопрос Кириенко. — Изучаем его ближний круг. Единственное, что доподлинно известно: Фельдман недавно привез из Индии крупную партию алмазов. Подозреваю, что сделал он это не вполне легально, однако его брат утверждает, что они могли стоить больше трехсот тысяч долларов.

— Триста тысяч «зелеными»? — покачал головой генерал-майор. — Откуда у него такие деньги?

— Брат говорит, Фельдман приобрел их по случаю.

— Ворованные, что ли?

— Могу лишь предполагать, но подозреваю, что да: именно поэтому информации о том, что он ввез алмазы в Россию, нет — скорее всего, дал на лапу, кому надо, и прошмыгнул мимо таможенного контроля. Очевидно одно: тот, кто влез к Фельдману, точно знал, что у него дома находятся бриллианты, ведь обычно он либо оставлял их в мастерской в сейфе, где есть надежная сигнализация, либо арендовал банковскую ячейку. Между прочим, однажды его сейф уже пытались взломать, и грабителя задержали еще до того, как он сумел проникнуть в мастерскую.

— А кто был в курсе, что ювелир привез алмазы?

— Во-первых, его родственники — во всяком случае, брат. Еще пара подмастерьев, работавших на него, несколько близких друзей и даже кое-какие клиенты, уже «забывшие» для себя определенные камни.

— Что значит — «забывшие»?

— Они внесли залог в размере стоимости бриллиантов.

- Неужели такое практикуется?
- Как выяснилось, да: клиенты бронируют камни, оплачивая их полную стоимость, ну, а за само изделие платят уже после изготовления.
- Ясно... Что ж, работай: сдастся мне, это дело не вызовет такого резонанса, как то, что ты отдала Медведице!
- Кому-кому? — переспросила Алла.
- Медведь — хорошая фамилия для мужика, а эта твоя Валерия — дама, так что, Медведица, и точка!

* * *

Лера собрала свою небольшую команду в кабинете. Когда она находилась в нем одна, помещение казалось просторным, однако присутствие еще троих мужчин каждый раз заставляло ее сознавать, насколько оно тесное на самом деле — им едва-едва хватает места! Не то что офис Сурковой — большой, недавно отремонтированный и заново меблированный... Лера понимала, что такой кабинет необходимо заслужить, поэтому старалась не завидовать, но как же это, черт подери, трудно!

Она окинула взглядом оперативников, которых лично подбирала, пытаясь создать группу единомышленников, как сделала это ее кумир Алла Суркова. В команде начальницы каждый занимался своим делом, а вместе они работали словно детали механизма дорогих швейцарских часов — слаженно, четко и точно. Интересно, удастся ли и ее ребятам когда-нибудь сработаться до такой степени, чтобы предугадывать мысли и поступки друг друга? Пока что Лера сомневалась. Вот взять, к примеру, Виктора Логинова. Он, бесспорно, умен, но слишком амбициозен, чтобы позволять женщине руководить собой. Формально Лера ему не начальница, но все-таки она — следователь, а значит, стоит выше его в «пищевой цепочке» и не может не замечать, что такое положение его тяготит. Виктор отличался от боль-

шинства коллег тягой к дорогим вещам, предпочитая иметь всего один костюм, но такой, чтобы не стыдно было надеть его в самое что ни на есть высшее общество! И машина у него дорогущая, хоть и подержанная — кредитная, разумеется, и Лера сомневалась, что в ближайшие десять-пятнадцать лет он сможет за нее расплатиться. Насколько ей известно, квартиру Логинов снимает, но никогда и никого туда не приглашает: видимо, там нечем похвастаться. Тем не менее, если оставить за скобками амбиции, сексизм и любовь пускать пыль в глаза, Виктор — неплохой человек и весьма приличный опер, поэтому Лера готова была терпеть некоторые его «заломы» — до известного предела, само собой. Леня Коневич еще слишком молод, чтобы сказать о нем что-то определенное, зато энтузиазма ему не занимать, а это — тоже достоинство, если не позволять ему перевешивать все остальные. Так что Севада, пожалуй, нравился Лере больше других: он темпераментен, но, в отличие от Виктора, редко выходит из себя, не против того, чтобы им руководила женщина, и проявляет достаточную инициативность, чтобы считаться крепким профессионалом.

— Есть новости? — поинтересовалась она у Виктора, который вальяжно расположился на стуле, словно герцог на троне.

— Кое-что, да, — напустив на себя загадочный вид, ответил тот.

Определенно, он хотел, чтобы Лера пустилась в расспросы, но она не собиралась доставлять ему удовольствие и терпеливо ждала, пока опер соизволит «разговориться».

— Оказывается, — продолжил он, недовольный ее хладнокровием, — из хаты прокурорской мамы все же кое-что пропало!

— Да ну? — удивился Севада. — Она сказала, что...

— А теперь передумала! — перебил Логинов.

— Такое случается, — заметила Лера. — С первого взгляда трудно понять, какие предметы отсутствуют, тем более что техника осталась на своих местах, а деньги и драгоценности она отдает на хранение сыну. Кроме того, пропал ее любимый питомец, и это наверняка сбилось бедную женщину с толку.

— Так вот, она взяла себя в руки и составила подробный список пропавшего имущества, — продолжил Виктор. — Во-первых, кое-какие побрякушки в доме все-таки были — до визита грабителя и убийцы, естественно.

— И что же пропало?

— Так, посмотрим... парочка цепочек стоимостью тысяч по двадцать, крест золотой с эмалью — где-то тысяч тридцать, и серьги без вставок, но тяжелые, поэтому стоят около сорока тысяч.

— Девчонку убили из-за ста тысяч? — недоверчиво высказался Севада.

— И за меньшее убивают! — отмахнулся Логинов.

— Нет, он прав, — поддержала Падояна Лера. — Если бы речь шла об уличном грабеже, тогда понятно, но злодей проник в дом, а для этого он должен был рассчитывать на более тучную поживу!

— Он не *вламывался* в квартиру! — возразил Виктор. — Девица сама его впустила, а это значит, что убийство и ограбление могли носить случайный характер.

— Что-то я сомневаюсь, — подал голос Коневич. — Это же не просто чья-то квартира, а хата матери прокурора города, помните?

— Согласна, — кивнула Лера. — Скорее всего, этот человек, или люди, знал, куда лез, а значит, ему требовалось что-то конкретное.

— Насчет количества злодеев, — прицепился к ее словам Логинов, — что говорят эксперты?

— В квартире найдено множество отпечатков пальцев, — ответила Лера. — Они сразу исключили Роговых и жертву убийства. Кое-какие следы, как выяснилось,

принадлежат соседям, но имеются и такие, идентифицировать которые пока не представляется возможным — не с чем сравнить. Рогова ведет светский образ жизни, у нее полно знакомых, и многие из них посещают ее жилище. Так что работа предстоит большая! Кроме того, нельзя исключить и того, что убийца работал в перчатках или избавился от своих следов до того, как покинул место преступления.

— Так с чего же нам начать? — нетерпеливо спросил Леонид: он, словно жеребенок, уже бил копытом, полный решимости кинуться по следу бандитов, поймать их и увешать свою футболку орденами и медалями.

— С опроса соседей. Севада пробежался по этажам, но не всех удалось застать дома. Кроме того, он спрашивал лишь о том, не слышал ли кто-то звуков борьбы и не видел ли посторонних в подъезде в вечер убийства Катерины Уткиной. Теперь мы будем интересоваться, кого видели соседи в другие дни, не было ли среди них кого-нибудь подозрительного. Кроме того, нас интересует и сама Уткина: вдруг у нее есть враги, мечтающие ее убить?

— Ты и в самом деле думаешь, что дело может быть в девчонке? — недоверчиво поднял бровь Логинов. — Лезть к мамаше прокурора, чтобы расправиться с ничем не примечательной студенткой?

— Исключать этого нельзя: сосредотачиваться лишь на одной версии неправильно.

Логинов ничего не сказал, но лицо его продолжало недвусмысленно и насмешливо говорить: ну-ну, попробуй, попробуй! Интересно, получится ли у нее когда-нибудь положить конец этому глупому соперничеству и перевести его в продуктивное русло? Немудрено, что Виктор не сработался с бывшими коллегами — характер у него уж больно неприятный.

— Итак, соседями у нас займется... Леонид, — изрекла Лера, делая пометку в своем блокноте. — Обойди и тех,

с кем говорил Севада: вдруг всплывет что-то в дополнение к собранным им сведениям.

— Заметано! — отозвался молодой опер. Если бы Лера подала знак, он, несомненно, тут же сорвался бы с места и наперегонки с остальными кинулся бежать к дому маменьки прокурора. Но она еще не закончила.

— Севада обойдет все близлежащие ломбарды. Изделия, похищенные у Роговой, не представляют большой ценности — обычная заводская штамповка, но все-таки что-то может там «всплыть». Виктор, займись связями Уткиной и первым делом опроси ее однокурсников.

Физиономия Логинова снова скривилась: он понял, что Лера намеренно поручила ему «разматывать» именно ту ниточку, в целесообразности которой он сомневался.

— Ну, а ты-то что намерена делать? — спросил он.

— Работать, — спокойно ответила она. — Встречусь с Роговым, порасспрошу его подробно о том, на что могли нацелиться злодеи — вдруг он «расколется»? Затем еще раз поболтаю с его матерью: может, она расскажет что-нибудь о Екатерине и ее жизни — вряд ли она дает ключи от дома кому попало. И помните, главное — узнать, что было целью преступника, ограбление или убийство. Выясним это — раскроем дело.

* * *

Леонид обежал уже почти всех соседей Роговых, но никто не смог сообщить даже мало-мальски полезных сведений. Молодой опер почти отчаялся принести Валерии хоть какую-то информацию, но уходить с пустыми руками ему ох как не хотелось!

За последней дверью после его звонка сначала стояла гробовая тишина, но потом Коневич все же различил тихие шаркающие звуки внутри и позвонил еще раз, более настойчиво.

— Кто там? — раздался скрипучий голос — словно старые жернова с трудом поворачивались, перемалывая зерно.

— Следственный комитет! — громко крикнул опер, опасаясь, что пожилой человек — он не сумел разобрать, мужчина или женщина — может плохо слышать.

— Не надо орать, у меня отличный слух! — голос прозвучал сердито, однако дверь приоткрылась. — Документы имеются?

Коневич раскрыл свою книжечку, и старичок, теперь это стало очевидно, внимательно изучил каждую строчку, после чего впустил, наконец, незваного гостя.

— Катька-то? А как же, видел, и не раз!

Они устроились на маленькой уютной кухоньке. Хозяйина квартиры звали Богданом Семеновичем Нестеренко, и, похоже, жил он здесь один. Однако кухня не походила на чисто мужскую, здесь явно просматривалась женская рука.

— Чего смотришь-то? — подозрительно поинтересовался Богдан Семенович.

— Да вот, гляжу, не похожа ваша кухня на холостяцкую, — помявшись, честно ответил Леонид.

— Тоже мне, специалист по семейным отношениям! — криво усмехнулся старик. — Кто тебе сказал, что я холостяк? Вдовец я, понимаешь... Жена моя, Татьяна, все здесь на свой вкус обустроила, когда мы квартиру получили — после двадцати лет в коммуналке! Видишь вон те картинки?

Леонид еще при входе заметил несколько красивых картин из соломки, висевших над обеденным столом. На каждой из них были изображены птицы — журавли, лебеди и фламинго. Человек, который их сделал, определенно обладал большим мастерством и любовью к этим божьим тварям: каждая деталь, даже самая мелкая, была подмечена и умело воссоздана.

— Это все моя Татьяна, — глаза Нестеренко стали печальными. — Она увлекалась рукоделием — и шила, и вязала, но особенно любила вышивать и мастерить картины из соломки, даже специально на курсы ходила. Я искал для нее красивые фотографии в журналах, а она их копировала. Особенно птиц любила — не знаю, почему.

Коневич сглотнул, чувствуя, что невольно растревожил кровоточащую рану, и не зная, как дальше себя вести, ведь он пришел сюда с определенной, очень четкой целью.

— Да ладно, не бери в голову! — словно поняв, о чем думает парень, махнул рукой старик. — Татьяна-то моя уж лет десять как того... Ты о Катьке спрашивал, верно?

— Да! — обрадовался Леонид. — Вы ее хорошо знали?

— Да какой хорошо — едва-едва. Вот Инну Георгиевну, ту отлично знаю: мы в этот дом почти одновременно въехали, с разницей в несколько месяцев. Интеллигентная женщина, ничего не скажешь — не чета нам, лапотникам! Но она этим не кичится, приветливая, всегда здороваается. С Татьяной моей они даже, бывало, в гости друг к другу ходили.

— Но вы же сказали, что...

— Сказал, что встречал Катьку, это правда. Когда впервые увидел, как она из квартиры Георгиевны выходит, решил, что она воровка или мошенница какая — сразу хозяйке позвонил, а она рассмеялась и сказала, что это Катерина, и что она будет заходить, чтобы полить цветы, пыль там протереть и покормить Леопольда. Леопольд — это кот Георгиевны. Да что там, кот — такой зверь громадный, аж страшно! И с характером: кого знает — только руку протяни, он сразу на спину валится и пузо подставляет — почеси, значит, а если кто чужой или плохой человек, может и без глаз остаться, если рискнет к нему приблизиться!

— Так вам нечего рассказать о жер... о Катерине, то есть? — расстроился Леонид.

— Кто сказал, что нечего? Вроде неплохая девка была — жаль, что такое с ней... Но давеча я видел, как она с каким-то парнем ругалась у мусоропровода.

— Что за парень? — встрепенулся опер: впервые за время топтания по лестницам у него появилась надежда.

— Да ничего особенного — хлипкий такой, лет тридцати. Рыжеватый, длинноносый, глаза близко посажены, как у филина.

— Настоящий красавец! — пробормотал Коневич.

— Ага, точно! И на предплечье у него татуировка — то ли дельфин, то ли русалка, непонятно.

— Вы уверены?

— У меня проблемы с ногами, парень, а не с глазами! — нахмурился Нестеренко. — Я в охране режимного предприятия сорок лет оттрубил!

— Ну да, с таким послужным списком... теперь понимаю! — виновато забормотал оперативник.

— То-то же!

— А с чего вы взяли, что они ругались? Может, просто...

— Да нет, — снова перебил старик, — точно ругались они!

— А из-за чего?

— Ну, этого, извини, я тебе сказать не могу — не слышал: хоть они и на нервах общались, но о чем, не разберешь, только Катька парня-то все время урезонить пыталась: тише, говорила, тише, а то, мол, соседи слышат... А я как раз собрался мусор выкинуть и под дверью стоял. Потом решил все-таки пойти — вдруг, значит, услышу что интересное, да только они сразу замолчали при виде меня. А потом Катька и вовсе парня вытолкала к лифту. Он не хотел уходить, сказал: «Пожалеешь, да поздно будет!» или что-то вроде того... А еще, кажись: «Он и тебя кинет, вот увидишь!»

— Ага... выходит, он ей угрожал?

— Ну, похоже, что так.

— А как вам показалось, Богдан Семенович, Катерина боялась его?

— Да нет, не боялась, по-моему... Он же хлюпик — чего его бояться: Катька его легко в лифт запихнула!

— И больше вы этого типа здесь не видели?

Старик покачал головой.

— Если б увидел, — добавил он, — обязательно рассказал бы Георгиевне: пусть, значит, понимает, с кем дело имеет!

— А еще кто-то к ней приходил? — поинтересовался Коневич.

— Больше никого не видел. А что, думаешь, тот мужик ее и... того, да?

— Все может быть. Сможете с нашим художником поработать?

* * *

Ну почему эта следачка всегда тянет одеяло на себя? Подумаешь, у нее есть юридическое образование — почему она не стала адвокатом или судьей? Нечего бабам делать в следствии, среди мужиков! Ну ладно, Суркова, ее еще можно терпеть: в конце концов, она сумела дослужиться до такой высокой должности, до которой ему, Виктору, как до луны... Другой вопрос — как ей это удалось! Ходят упорные слухи, что ее теплые отношения с Кириенко носят не только платонический характер, и Логинов тоже почти в этом не сомневается: как все бабы, она пользуется своими женскими чарами и делает карьеру «через постель»! Но Валерия — другое дело. Виктор с трудом мог представить ее в подобной ситуации, ведь она резкая, как северный ветер, жесткая, как наждачная бумага, и прямая, как линейка — абсолютно не склонный к компромиссам человек! И все же что-то в ней есть — нечто особенное, волнующее, заставляющее опера желать раскусить ее, разобраться, что же она на самом деле за личность. Конечно, будь она страшна, как

атомная война, вряд ли у него возникло бы подобное желание, но она, как назло, чертовски хорошенькая штучка: не будь они коллегами, Виктор обязательно затащил бы ее в койку... Жаль, что этого никогда не произойдет.

Виктор ненавидел общаться с молодежью, а Валерия, будто специально, отправила его заниматься именно этим. Он считал школьников и студентов дебилами, которых не интересует ничего, кроме «вписок», дурацких флэшмобов и компьютерных игр, но основной причиной его неприятия этого поколения являлось то, что он в свои тридцать четыре чувствовал себя древним старцем в их обществе — ужасное ощущение!

— Катюха была классной, — со вздохом сказала Ника Жданова, подруга жертвы, как удалось выяснить Логинову после опроса довольно большого количества «недоумков», не вызывающих у него иных эмоций, кроме раздражения. И эти люди называют себя студентами, и не какого-нибудь там заштатного сельскохозяйственного вуза, а юридического факультета государственного университета Северной столицы, где училась убитая!

— Неужели? — саркастически изогнул бровь Логинов: он понимал, что требуется расположить к себе эту девицу в мешковатых джинсах и толстовке на три размера больше, чем требовалось, однако он ничего не мог с собой поделать: неприязнь так и сочилась у него из всех отверстий. — И чем же она была столь... замечательна?

— Ну, она любила тусить, ее всегда можно было подорвать на любой кипиш, — пояснила Ника, не замечая настроения собеседника. Еще одна «молодежная» черта, с удовольствием подметил про себя Виктор — эмоциональная черствость и глубокая сосредоточенность на себе, что не позволяет юным созданиям уловить изменения в настроении других людей и, как следствие, наладить продуктивное общение. Но, как назло, Логинову требовалось вовлечь студентку в диалог и добиться от нее хоть какой-нибудь полезной информации.

— А что она за человек была, Катя? — спросил он, мысленно сжав зубы и приготовившись к двадцати минутам ничего не значащего щебетания.

— Человек? — переспросила Ника, и Виктор задался вопросом: она не знает значения этого слова или не обладает достаточным словарным запасом, чтобы описать подружку?

— Что она любила, с кем общалась, — терпеливо принялся объяснять он. — Были ли у нее враги или хотя бы недоброжелатели?

— Ну, она любила...тусовки, — пожала плечами студентка. — Учиться ей не очень нравилось. Понимаете, она ведь приехала из Тихвина — вы бы видели, какая это дыра!

— Ты там бывала? — поинтересовался Логинов.

— Ну да, один раз, с Катькой... Да и одного раза для этого городишки много — там же ничего нет, никаких развлечений, одни монастыри да какой-то парк занюханый! Ни тебе дискотек, ни интернет-клубов, ни нормальных кафе... Скучотища! Она и сама туда почти не ездила и даже звонила редко — о чем ей с родичами-то разговаривать?

— И что ты хочешь сказать тем, что Катя приехала из такого скучного места?

— Да то, что она ни за что не хотела туда возвращаться, ни под каким соусом! — воскликнула девица, глядя на опера, как на существо низшего порядка с интеллектом слишком ограниченным, чтобы постичь мотивы «продвинутой» молодежи. — Катька во что бы то ни стало мечтала зацепиться в Питере!

— И как же она планировала это сделать?

— Ну, есть только два способа: найти крутую работу или мужика, — передернула плечами Ника.

Наконец-то он хоть немного продвинулся!

— И что, — спросил Логинов, — нашла она работу?

— Да нет, как-то не складывалось... Катюха подрабатывала в интернете, и вполне успешно, между прочим!

— Это как?

Интересно! Секс по телефону или продажа курительных смесей?

— Она здорово работала с кожей.

— Татуировки, что ли, набивала? — не понял Логинов.

— Да нет, вот с такой кожей, — сказала Ника, сунув Виктору под нос свое запястье. На нем красовался плетеный черный браслет, на котором, уже из красной кожи, была сделана довольно искусная аппликация в виде дракона. Вместо глаз были вставлены маленькие желтые стразы.

— Это она сама смастерила? — уточнил оперативник.

— Ну да, сама, — кивнула студентка. — Я всегда говорила, что у нее талант, и она могла бы зарабатывать больше, если бы захотела, но для этого нужен хотя бы собственный сайт, или на маркете выложиться, а Катюха только в соцсетях себя рекламировала — там больших денег не сделаешь! Да и у станка стоять с утра до вечера ей не хотелось.

— И что, хорошо покупали ее подделки?

— Те, что подешевле, хорошо. Катюха ведь могла и сумки делать, и куртки, но лучше всего продавались вот такие браслеты, ожерелья и ошейники.

— Ошейники?

— Для собак и кошек. Это недорого и стильно, и Катюха могла сделать любую картинку — к примеру, по фотографии питомца или какую-нибудь надпись сварганить из кожи или даже из стразов. Она все мечтала купить специальную швейную машинку для кожи.

— И такие есть? — удивился Логинов: не то чтобы он интересовался шитьем, но ему казалось, что все швейные машинки одинаковы.

— Есть, — подтвердила Ника, — и они очень дорогие: Катюха говорила, что не меньше тридцатки нужно, если хорошую покупать!

— В смысле, тридцать тысяч?
— Ну да, или даже больше — смотря какое качество!
— И что, купила?
— Купила, только заказов больших не было... А теперь уж и не будет! — печально закончила студентка и уткнулась в свою чашку с почти остывшим капучино.

— Ты сказала, что есть два способа вырваться из провинции: работа или мужчина, — напомнил Логинов. — Выходит, Катя выбрала первый?

— Кто сказал?

— Ну, кожа и все такое...

— Ну, сколько бы она ни трудилась, а по-настоящему больших бабок так не срубишь! У нее вообще-то был любовник — он, кстати, и денег на швейную машинку подкинул.

— И кто?

— Понятия не имею!

— То есть он не студент?

— Нет, я бы знала! Какой-то старый мужик, я так думаю, и женатый.

— С чего ты взяла? — спросил Виктор, чувствуя, что наклеывается что-то стоящее и нужно продолжать «раскручивать» девчонку, чтобы выудить из нее все, что ей известно.

— Иначе бы она не пряталась с ним по углам.

— А они прятались?

— Ну да! Он даже ни разу за ней в универ не заехал, вот я и предположила, что он, скорее всего, женат и не хочет, чтобы их видели вместе.

— Катя хотела за него замуж?

— Думаю, да, — после недолгой паузы кивнула Ника. — Она его долго «окучивала» и, как мне кажется, надеялась на дивиденды.

Виктора буквально потрясло, что его собеседница говорила такое сложное слово.

— Она говорила об этом?

— Нет. Каждый раз, когда я пыталась ее разговорить, она уходила от ответа — тоже мне, конспираторша!

Еще одно трудновывариваемое слово — может, девчонка вовсе не так тупа, как он предполагал?

— Есть мысли, почему Катерина не хотела говорить на эту тему?

— Может, любовник ей запретил? Он давал ей денег каждый месяц — это я точно знаю.

— Откуда?

— Ну, она приделась немного, а то раньше все в секонд-хенде шмотье покупала — как ни стирай его, все равно воняет бабушкиным шкафом!

— Так он богат?

— Вряд ли.

— Почему нет?

— Ну, будь он богат, хату бы ей снял, машинку купил и все в таком роде. Бабок отстегивал, но не айс — на одежду кое-какую и еду хватало, не более! Правда, в последние несколько дней что-то изменилось.

— Неужели?

— Катюха ходила довольная, как будто в лотерею выиграла... Кто ж знал, что с ней такое случится!

— В лотерею, говоришь?

— Загадочная такая вся стала, а как-то раз я застукала ее за чтением туристической брошюры — не поверите, какой?

— Ну?

— Про достопримечательности Ташкента. Я зауглила — это в Узбекистане!

— Думаешь, ее любовник оттуда родом?

— Может, и так — иначе зачем ей Ташкент? Если они планировали в путешествие отправиться, то выбрали бы какое-нибудь приличное место — ну, Эмираты там или Мальдивы... Турцию, наконец!

Вот дуреха: Узбекистан, по ее мнению, такая же «дыра», как и Тихвин? Ей представляется, что там и по-

смотреть-то нечего... Господи, чему только в этих университетах учат! Вот он, Виктор Логинов, университетов не оканчивал, но знает, что Ташкент — древний город, полный как старинных зданий, так и современных построек, и там определенно есть чему удивиться. Правда, сам Виктор ни разу там не бывал — да что там, он дальше области не выезжал! — однако, может, когда-нибудь...

— Ты знаешь, как Катя получила работу в доме Рогова? — сменил он тему.

— Не-а... Кстати, его дочка у нас учится, Танька, в другой группе. Катюха страшно радовалась, что получила это место. Во-первых, хата часто свободна, так как старуха Рогова постоянно в разъездах, а почти что свое жилье — это вам не общага! Кроме того, деньги какие-никакие платили, а работа не пыльная — кота покормить да цветочки полить, и старуха не возражала, чтобы на время ее отсутствия Катюха туда перебиралась... Разве мог кто подумать, что в этой проклятой хате ее и грохнут?!

* * *

Севада с Леонидом встретились в кафе на Васильевском острове. Они любили эту забегаловку, потому что, во-первых, кормили здесь вкусно, а во-вторых, что немало важно, сравнительно недорого. Меню не отличалось разнообразием, зато порции достойные, да и опера не особо любили разносолы, предпочитая сытную еду изысканной. А еще здесь самообслуживание — значит, не нужно тратить время на ожидание заказа, что тоже является большим плюсом. Набрав полные подносы провизии, опера уселись у окошка, выходящего на улицу, по которой деловито сновали пешеходы. Чуть поодаль катился по дороге транспорт. Леонид любил наблюдать за незнакомыми людьми, представляя себе, какой может быть их жизнь. Заинтересовать его мог далеко не

каждый, а только тот, кто чем-то выделялся из толпы: необычной одеждой, выражением лица или поведением. Он с детства зачитывался рассказами о Шерлоке Холмсе и пытался практиковать его метод дедукции, придумывая жизнь для тех, за кем наблюдал — эх, жаль только, что проверить правильность его догадок не представлялось возможным, ведь незнакомцы лишь на несколько мгновений появлялись перед ним, проходя мимо и исчезая в толпе!

— Эй, ты здесь? — окликнул парня Севада, заметив, что Леонид неотрывно пялится в окно вместо того, чтобы есть аппетитное пюре с котлетой, запивая его знакомым с детства компотом из сухофруктов.

— Да-да, — возвращаясь к реальности, отозвался коллега. — Как дела в ломбардах?

— Да никак! — отмахнулся Падоян. — В последнее время много всякого барахла сдавали, но то, что украли у старухи Роговой, ничем особенным не отличается — так, обычные побрякушки, штамповка! Правда, остается еще надежда на крест с эмалью: не бог весть какая драгоценность, но все же выделяется из общей кучи — может, повезет в других местах? Ну, а у тебя какие новости?

— Похоже, у убиенной были проблемы личного характера, — ответил Коневич, принимаясь, наконец, за еду.

— С кем?

— Сосед описал того перца, я отвез его к нашему художнику — пробуют сляпать портрет. У него татуха заметная: вполне может стать, парень из наших «клиентов», а тогда он есть в базе!

— Ты действительно думаешь, что дело в девушке, а не в прокуратуре?

— Это же просто версия... Но ты прав, я думаю, дело в Рогове! Только вот почему влезли к его мамаше, а не к нему?

— Ты его квартиру видел?

— Нет...

— А я вот посмотрел адресок в интернете: кондоминиум в районе Крестовского острова, с консьержной службой, видеонаблюдением и так далее — зубы обломаешь!

— Ну, кому надо, тот сумеет, — резонно заметил Леонид.

— Да, только узнать бы, что надо и кому! Смотри, если целью была Катерина, то почему бы не убить ее в общежитии?

— Слишком много свидетелей.

— Уверен, там есть места, куда редко заходят. Или, допустим, почему не на улице, в каком-нибудь безлюдном закутке? Зачем лезть к тому, из-за кого весь город возбуждётся?!

— Улики показывают, что жертва сама впустила злодея — значит, возможно, он и не собирался ее убивать, просто так вышло?

— А потом хладнокровно обшарил квартиру, вытряхнул ящики и перевернул мебель?

— Совместил, так сказать, приятное с полезным...

— Нет, что-то тут не сходится! Рогов этот мутный какой-то, не находишь?

— Ты это потому говоришь, что он телезвезда?

— Тоже мне, Иннокентий Смоктуновский! — скривился Севада. — Помяни мое слово, он что-то скрывает: наверняка ведь знает, зараза, что у него искали, но не «колется»!

— Ну, ладно: Медведица с ним поговорит и, может...

— Кто поговорит?

— А ты не слышал, как Дед Валерию прозвал?

— Что реально — Медведицей?

— Ага, прикинь!

— А что, звучит... гордо! Главное — при ней не болтануть.

И оба опера молча заработали челюстями.

Глядя, как хозяйка, облаченная в шикарный японский халат с журавлями на фоне восходящего солнца, хлопочет над заварочным чайником, Лера пришла к выводу, что ее первое впечатление о Роговой было не совсем правильным. Она сразу решила, что мать прокурора города — вздорная старуха, любящая командовать и истерить. Однако она не учла того факта, что пожилая и, как следствие, не вполне здоровая женщина находилась в шоке: во-первых, ей только что сообщили о взломе квартиры, во-вторых, прибыв на место, она узнала, что погибла девушка, которая присматривала за домом. И, наконец, куда-то запропастился ее любимец, Леопольд, — разве этого не достаточно, чтобы выйти из берегов?! Мама обязательно попеняла бы Лере на то, что она слишком быстро судит о людях, составляя свое мнение о них лишь по первому впечатлению. Лера и сама знала об этом своем недостатке и честно пыталась с ним бороться, но, по видимому, пока — тщетно!

— Вы нашли кота? — поинтересовалась она, пока Рогова разливала чай в белые чашки из тончайшего костяного фарфора и водружала на стол блюдо с крошечными пирожными.

— Какое там! — расстроено махнула рукой мать прокурора, усаживаясь напротив Леры.

Глаза ее неожиданно наполнились слезами, и гостья пожалела, что завела этот разговор: не хватало еще, чтобы Рогова разнервничалась, и ей потребовалась медицинская помощь! Однако ничего подобного не произошло: Инна Георгиевна лишь тихо всхлипнула и промокнула глаза шелковым платочком.

— Пропал мой Лео! — вздохнула она с дрожью в голосе. — Навсегда пропал!

— Ну не надо так, — попыталась успокоить ее Лера. — Почему же сразу пропал — может, он в подвал убежал,

от испуга, ведь в доме побывал убийца, а потом набежало столько народу — немудрено, что он рванул прочь!

— Нет его в подвале, — вздохнула Рогова. — Я наше-го дворника Ахмета попросила проверить, он спустился в подвал и все там обшарил — нет моего Леопольда!

— Ну, он же не все время в подвале сидит, — не сдава-лась Лера. — Может, отправился на поиски еды...

— Что вы, Лео ест только специальный корм, диети-ческий, он и не притронется ко всякой уличной гадости!

Лера не стала говорить опечаленной хозяйке кота, что голод не тетка, и, когда сводит желудок, слопаешь, что предлагают, не выбирая, что диетическое, а что нет. Да и она, в конце концов, не судьбу кота пришла обсуж-дать, хоть, видит бог, Лера любит животных!

— Инна Георгиевна, скажите, ваш сын хранит дома какие-то документы? — спросила она, переводя разговор в нужное ей русло.

— Документы? — озадаченно переспросила Рогова. — Ну, свидетельство о рождении, документы на квартиру и загородный дом...

— Я имела в виду бумаги иного рода, — аккуратно прервала ее Лера. — Рабочие, понимаете?

— Нет, что вы! Во-первых, такие документы выносить запрещено, а уж тем более — дома хранить; а потом, за-чем бы Киту хранить их здесь, ведь он тут появляется крайне редко — его семья живет в основном за городом. Есть еще и городская квартира, но ее сын использует как рабочий кабинет. Там есть сейф, и, если уж так необхо-димо, он может держать бумаги в нем. А почему вы, соб-ственно, спрашиваете?

— У нас есть версия, что в вашу квартиру могли влезть с целью похищения каких-то важных материалов по од-ному из дел, которые находятся в его ведении.

— Это исключено! — уверенно заявила Рогова.

— Но ваш сын сам сказал, что зашел к вам за доку-ментами...

— Значит, это какие-то домашние бумаги, не имеющие отношения к его работе, — не позволила Лере закончить хозяйка квартиры. — Но я могу заверить вас, что ничто из них не пропало, все на месте, я проверила! Так что, Лерочка... можно мне вас так называть?

Лера растерянно кивнула.

— Так что, поверьте мне, этот след — ложный!

— Тогда, как по-вашему, для чего бандит проник в вашу квартиру?

Рогова помолчала с полминуты.

— Знаете, — произнесла она, наконец, — я и сама все размышляю над этим...

— И к какому выводу вы пришли?

— Мы с Китом это очень подробно обсуждали: вряд ли вор мог позариться на те немногочисленные и довольно дешевые побрякушки, что я хранила в шкатулке.

— Мы тоже так считаем.

— Тогда остается только два варианта. Первый: вор знал, кем был мой покойный муж, и рассчитывал обнаружить у меня дорогие украшения и другие вещи, которые легко унести с собой. Он не предполагал, что на время своего отсутствия я отдаю ценности на хранение!

Это предположение звучало вполне резонно, и Лера не стала возражать, только спросила:

— А что насчет второго варианта?

— Извольте: это был случайный человек — к примеру, доставщик пиццы, электрик или кто-то еще. Катя открыла ему дверь, он увидел обстановку и решил, что может поживиться, так как она одна и вряд ли окажет серьезное сопротивление.

— А как вы объясните то, что Катя впустила доставщика пиццы в гостиную? — решила использовать свой главный аргумент Лера.

— Ну-у, — протянула Рогова, перебарывая ее слова, — значит, это был не доставщик, а какой-нибудь коммуналщик...

— Мы проверили: никто в подъезде не вызывал мастера, — парировала Лера. — Сама Катерина тоже вряд ли вызвала бы кого-то, ведь в квартире все в рабочем состоянии, верно?

Рогова медленно кивнула.

— Кроме того, информация обо всех вызовах ремонтников имеется в диспетчерской, и грабить дом вряд ли представляется делом рациональным: одно дело потихоньку стибрить деньги с комода, если их там оставили беспечные хозяева, и совсем другое — выпотрошить шкафы и перевернуть мебель, да еще и убив при этом человека!

— Да, пожалуй, вы правы, — нехотя согласилась мать прокурора. — Тогда остается только первая версия. Думаю, грабитель имел основания полагать, что найдет здесь настоящий Клондайк, вы согласны?

— А версию, что убить хотели именно Катерину, вы вообще не рассматриваете? — осторожно поинтересовалась Лера.

— Да бог с вами, за что?! — всплеснула руками пожилая дама. Лера обратила внимание, что ее руки, хоть и покрытые пигментными пятнами, все еще красивы, и Рогова не пренебрегала маникюром — неброским, но явно сделанным отличным мастером. — Катюша же была студенткой, кому она могла встать поперек дороги? А брать у нее было совершенно нечего, она ведь из провинции, семья кое-как перебивается, так что... Нет-нет, это я даже обсуждать не хочу! Да и кто знал-то, что она присматривает за квартирой в мое отсутствие?! Скорее, наоборот — ожидалось, что здесь пусто, и вор спокойно обшарит все углы, не боясь, что хозяева неожиданно вернуться... Бедная девочка, как же ей не повезло... а ведь она так радовалась, что можно хоть на время вырваться из тесноты общежития и побыть самой себе хозяйкой, пусть и в чужом доме!

На некоторое время в помещении повисло молчание.

— Лерочка, могу я вас попросить об одолжении? — наконец, снова заговорила Рогова.

— Конечно, Инна Георгиевна, что я могу для вас сделать?

— Отыщите Леопольда, а? Он же залюбленный, зацелованный домашний котик — пропадет он на улице! Там повсюду машины, дикие подвальные коты и злые люди!

Да, подумала Лера, люди действительно злые... И не только по отношению к животным.

* * *

На первый доклад к Сурковой Лера шла, как обычно, без особого энтузиазма: понятно, что через одни сутки ждать больших подвижек не приходится, однако ей все же хотелось представить начальнице более существенные новости, нежели те, что имелись в ее распоряжении. Но выхода не было, и приходилось смириться с неизбежным. Суркова выглядела немного уставшей, но она улыбнулась, приветствуя вошедшую, и пригласила сесть. Отчет занял не более пяти минут, и последнюю новость Лера приберегла напоследок.

— Выяснилось одно обстоятельство: вскрытие жертвы показало, что она была беременна!

— Вот как! — встрепелась Суркова.

— На третьем месяце, если точно, — подтвердила Лера.

— Ну, так это заставляет нас взглянуть на дело под другим углом!

— Вы об отце ребенка?

— Разумеется! Вы с самого начала сосредоточились на том, что кому-то что-то было нужно именно от прокурора в силу его рода деятельности. А что, если все просто до банальности — папаше не нужен ребенок от бедной студентки?

— Логинов опросил ближний круг жертвы, как я уже говорила, и по словам ее лучшей подруги парень девушка, скорее всего, женат.

— Ну вот! — воскликнула Суркова, но тут же добавила: — Только не зацикливайтесь на одной версии, рассмотрите все возможные, хорошо?

— Само собой, — кивнула Лера. — Меня кое-что смущает...

— Что же? — заинтересовалась Суркова.

— Если убийца — приятель жертвы, зачем ему перерывать весь дом? Сделал дело — и беги, казалось бы!

— С одной стороны, да, но мы не принимаем во внимание характер личности убийцы: вдруг он решил, что, раз уж все равно замарал руки кровью, то почему бы не пожить в богатой хате? Он не знал о предусмотрительности Роговой и рассчитывал на приличный куш!

— Но это говорит о том, что он действовал совершенно хладнокровно!

— Верно! Судя по показаниям соседа потерпевшей, насколько я помню, жертва незадолго до гибели ссорилась с каким-то татуированным парнем. Принимая во внимание эту его особенность, разве не может быть так, что он уже сидел, а потому имеет определенный опыт — возможно, даже убийства?

Лера согласно кивнула, но потом сказала:

— Этот любовник Катерины, по словам ее подруги, давал ей деньги. Не так много, как той хотелось бы, но на кое-какие излишества все же хватало. Как-то это не вяжется с обыском и ограблением!

— А одно другому не мешает — если этот человек, конечно, не миллионер, для которого деньги ничего не значат. Но вы сами говорите, что он снабжал убитую деньгами не так уж и щедро, так что, можно предположить, что для него ее финансирование было обременительным. И тут она сообщает, что ждет ребенка, — продолжала рассуждать Суркова. Она даже встала из своего удобного

кресла и принялась прохаживаться по кабинету туда-сюда, словно так ей лучше думалось. — Это совсем некстати, ведь рождение младенца означает дополнительные денежные вливания. Кроме того, если он и впрямь женат, то любовница-мать становится куда большей угрозой, нежели бездетная подруга! Что, если девушка отказалась избавляться от нежелательной беременности, и любовник убил ее, а по пути решил «обнести» богатую квартиру!

— Только вот ему не «обломилось», так как Рогова не хранит ценности дома, — подхватила Лера. — Поэтому он взял, что нашел, и сделал ноги!

— Неплохая версия, — усмехнулась Суркова.

— Но мне не дает покоя кое-что еще, — тут же сказала Лера. — Когда я спросила Рогова, зачем он пришел в квартиру матери в ее отсутствие, он сказал, что ему срочно понадобились какие-то документы. Тогда я не стала уточнять, что это за бумаги, но сегодня пообщалась с потерпевшей, и она заверила меня, что никаких рабочих документов сын в ее доме не хранит. Я, конечно же, еще поговорю с Роговым...

— Поговорите, — согласилась Суркова, — но мне показалось, что вы что-то еще имели в виду, когда сказали про Рогова, я права?

— Честно говоря, да... — нерешительно проговорила Лера и запнулась.

— Говорите, — подбодрила ее Суркова, — мы ведь здесь одни, только вы и я!

— Хорошо, Алла Гурьевна, только между нами. Видите ли, сдастся мне, Рогов что-то недоговаривает!

— И с чем, вы думаете, это связано? — заинтересовалась собеседница.

— Даже не знаю, но мне кажется, он что-то скрывает. Может, это из-за того, что он не имеет права брать рабочие документы домой?

— А он, вы полагаете, взял? Но тогда — почему именно квартира матери? Разве она не сказала вам, что у него

есть и дом за городом, и квартира в Питере, которую он использует в качестве рабочего кабинета?

— Я это помню, и все-таки...

— Вы не верите в его «отмазку», я права? — догадалась Суркова. — Думаете, он приходил именно к Катерине?

Лера покраснела — неужели все так очевидно?!

— Простая логика, — пожала плечами Суркова. — Наверняка вы даже допускаете, что Рогов — отец ребенка?

Лера опустила глаза: делать такое предположение было слишком смело, но Суркова ее «раскусила» на раз-два!

— Его дочь учится на том же факультете, но в другой группе, — пробормотала она. — Я подумала...

— Вы подумали, что они могли познакомиться через нее, — понимающе кивнула Суркова. — И что Рогов может быть тем самым женатым любовником, о котором упоминала подруга жертвы.

— Точно... — нехотя призналась Лера.

— Не исключаю такой возможности.

— Правда?

— Рогов — мужчина в расцвете сил, а погибшая — молодая, привлекательная девушка, только вот у нас нет ни малейших оснований выдвигать против него обвинения. Давайте поразмыслим. Начнем с того, что отношения Рогова и жертвы не доказаны: вы сами говорите, что друзья убитой никогда не видели ее с ним вместе. Если хотите получить ордер на сравнение ДНК плода и прокурора, докажите хотя бы их сексуальную связь.

Лера и сама понимала, что это необходимо сделать, но начальница ясно дала понять, что иного выхода не существует. Кроме того, Логинов упоминал о Ташкенте. Может, это и ложный след, но вдруг любовник убитой взаправду родом оттуда, и Катерина планировала поездку?

— А теперь об убийстве, — продолжила Суркова. — Неужели вы всерьез полагаете, что Рогов убил бы любовницу в квартире матери?!

— Да, звучит...

— Неправдоподобно! — закончила за Леру начальница.
— А как насчет убийства в состоянии аффекта? — решила так легко не сдаваться Лера. — Помните, как убили Уткину?

— Разумеется — ее задушили. Я допускаю, что это мог сделать прокурор, если мы предположим, что их любовная связь доказана, но зачем ему устраивать такой бардак в квартире собственной матери?!

— Инсценировка? — предположила Лера. — Надо же свалить вину на кого-то другого — скажем, на неизвестного грабителя, который, явившись в шикарную квартиру, не ожидал застать там свидетеля своего преступления, а потому избавился от нее! А еще, возможно, Рогов искал какие-то доказательства того, что они с Уткиной встречались, чтобы их уничтожить.

— Если такие свидетельства и были, — задумчиво проговорила Суркова, — вряд ли жертва стала бы хранить их в чужом доме... Да и Рогов ведь не скрывался, помните?

— И что он делает, обнаружив труп в квартире мамы?

— Звонит Кириенко.

— Вот именно — не в полицию, а сразу Деду!

— Ну, это-то как раз вполне объяснимо: если бы мы с вами угодили в такой переплет, разве нам не хотелось бы, чтобы в деле разбирался кто-то знакомый и заранее непредвзятый? Не забывайте, Рогов ведь мог закрыть за собой дверь и уйти, сделав вид, что вообще не являлся, и мы могли не найти свидетелей того, что на самом деле он посещал квартиру матери!

— Алла Гурьевна, вы же сами знаете, что тот, кто первым сообщает о преступлении...

— ...зачастую и есть преступник — да, конечно, я в курсе этого сомнительного постулата, много раз опровергнутого, между прочим, особенно, если речь не идет о больном маньяке!

— Значит, вы считаете, что подозревать прокурора бессмысленно?

— Я этого не говорю, но не забывайте один немаловажный факт, который уже имеется в вашем арсенале.

— Какой?

— У вас *есть* свидетельство того, что жертва ругалась с татуированным парнем, и *нет* никаких доказательств интрижки между ней и Роговым... По крайней мере, пока. Докажите его связь с жертвой — тогда поговорим. Между прочим, если таковая и была, и если даже окажется, что Рогов — папаша нерожденного ребенка, это еще не говорит о том, что он и есть убийца! А сейчас я хочу побеседовать с вами о другом деле.

— О каком — другом?

— Вы ведь знакомы с Эдуардом Вагнером?

Меньше всего Лера ожидала услышать это имя. Однако ей вспомнился вовсе не Эдуард, а совсем другой Вагнер — единственный, кто на самом деле по праву носил эту фамилию¹. Роман Вагнер формально считался братом Эдуарда по отцу, хотя, как выяснилось в ходе расследования того запутанного дела, на самом деле был ему чужим: мать Эдуарда родила его не от мужа. Лера не видела ни одного из Вагнеров с тех пор, как давала показания на суде над Эльзой Вагнер, и ничего о них не слышала. Впрочем, неудивительно, ведь их бизнес не терпит широкой огласки!

— Да, Алла Гурьевна, конечно, — ответила Лера на вопрос начальницы. — А что такое?

— Вы удивитесь, Лера, но Эдуард Вагнер, похоже, связан с одним делом, которое веду я!

— Неужели? — и впрямь удивилась та: как часто, на самом деле, один и тот же человек повторно попадает в поле зрения органов следствия — ну, если, разумеется,

¹ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Проклятие ДНК».

он не маньяк — с этими ребятами такой расклад как раз дело обычное! — Что он натворил?

— Я даже не уверена, что Эдуард Вагнер как-то причастен — это еще предстоит выяснить.

— А что за дело вы ведете? — полюбопытствовала Лера.

Девушку всегда интересовало то, чем занимается Суркова, ведь той поручали самые сложные случаи, частенько связанные с громкими именами.

— Убит и ограблен довольно известный в городе ювелир, Зиновий Фельдман, не слышали?

— Н-нет, честно говоря, — пробормотала Лера, пытаюсь припомнить, не видела ли что-то об этом в новостях по телевизору. — Что украли?

— Бриллианты. Очень дорогие, привезенные из Индии.

— Что-то еще взяли?

— Так, мелочь всякую. И деньги. Те бриллианты — самое дорогое из похищенного. Я пришла к выводу, что преступник знал, что они будут находиться у ювелира дома, ведь обычно он хранил такие вещи в банковской ячейке или в мастерской.

— Да, похоже на то, — согласилась Лера. — Так при чем же здесь Эдуард Вагнер?

— Мы с коллегами опросили подмастерьев Фельдмана, и они, боясь, что подозрение в первую очередь падет на них...

— Что совершенно разумно при данных обстоятельствах! — вставила Лера.

— Верно, — кивнула Суркова. — Так вот, эти парни, их двое, рассказали, что у Фельдмана незадолго до гибели случился серьезный скандал с Эдуардом Вагнером.

— Из-за чего?

— Вот и мне хотелось бы это знать! Фельдман хоть и известен в узких кругах, но он все же не чета Вагнерам,

у которых есть собственное производство и обширные связи. Таких, как он, называют кустарями — он работает только на заказ. И все же, если верить словам подмастерьев жертвы, Вагнер и Фельдман повздорили.

— А они не сказали, на почве чего?

— В том-то и дело, что нет: Фельдман заперся с Вагнером в кабинете, а там отличная звукоизоляция. Они лишь помнят, что гость выскочил оттуда как ошпаренный, бросив напоследок что-то вроде: «Вы об этом сильно пожалеете!»

— Что ж, это может указывать на мотив.

— Да, но одного этого маловато, чтобы взять Вагнера в обработку. Поэтому я хотела попросить вас...

— Встретиться с Эдуардом и расспросить о ссоре?

— Нет, не с ним. Я хочу, чтобы вы навестили Романа Вагнера.

— Но зачем? — изумилась Лера. — Разве он тоже имеет к этому отношение?

— Сомневаюсь, но у вас с Романом, если я ничего не путаю, установились, гм... дружеские отношения за время расследования убийства его деда?

— Ну, не то чтобы дружеские...

— В любом случае, вам пришлось с ним контактировать достаточно близко, и мне кажется, это общение можно назвать доверительным, не так ли?

О, да! Лера знала о Романа Вагнере то, что почти никому не известно, и он сам позволил ей это выяснить. С тех пор, как она получила эту странную, тревожащую и абсолютно невероятную информацию, Лере казалось, что она владеет яйцом, в котором спрятана «смерть Кощеева». Именно поэтому она не пыталась наводить справки о том, чем сейчас занимается Роман и его семейство, словно это могло запустить скрытый механизм, способный привести к катастрофе.

— В некоторой степени, пожалуй, — нехотя ответила она Сурковой. — А что?

— Насколько я припоминаю, у Романа и Эдуарда отношения так себе, верно?

— На самом деле, они почти не общаются — во всяком случае, раньше не общались. Думаю, они плохо друг друга знают и вряд ли желают познакомиться поближе.

— Вот потому-то я и хочу, чтобы вы встретились с Романом: если они друг друга недолюбливают, возможно, он расскажет вам что-то, чего не знает больше никто? Кстати, вы в курсе, что Эдуард по-прежнему руководит производством фирмы покойного Карла?

— Честно говоря, нет... Странно, я полагала, что Эдуарду не досталось ничего из наследства и, соответственно, он был уволен!

— А вот и нет! Можно сказать, он даже получил повышение, и теперь фактически занял место Карла. Навероятно — зачем Роману оставлять его в компании после всего, что случилось?!

— Да-а, непонятно...

На самом деле, у Леры была пара мыслишек на этот счет, но она не собиралась делиться ими с начальницей, как бы сильно ее ни уважала.

— Навестите Романа, — подытожила Суркова, вновь усаживаясь в кресло. — Мне кажется, с вами он будет более откровенен, нежели со мной: судя по всему, он — не самый общительный человек и ведет уединенный образ жизни, несмотря на то, что является весьма состоятельным молодым человеком. Если Роман не слишком привязан к своему так называемому «брату», можно ожидать, что он поделится с вами информацией, которая прояснит ситуацию и даст понять, стоит ли «пристегивать» Эдуарда к делу Фельдмана. Я в любом случае вызову его на беседу, но хотелось бы быть, так сказать, во всеоружии перед встречей. Так вы выполните мою просьбу, Лера?

Вопрос начальницы не предполагал отрицательного ответа.

Виктор с интересом разглядывал шуплого паренька, сидевшего напротив него за столиком в студенческой столовой. Просторное помещение было заполнено молодыми людьми и девушками, а у буфетной стойки образовалась длинная очередь. В ожидании Ильи Ступина, который, по словам подруги Кати Уткиной, являлся ее бывшим ухажером, опер изучил ассортимент блюд и пришел у выводу, что со времен его юности многое изменилось в лучшую сторону — ну если, конечно, не считать возросших многократно цен. Университетов Логинов не оканчивал, а в школе милиции в его память врезались микроскопические порции винегрета и капустного салата, желто-зеленые котлеты и жиденькое картофельное пюре. Зато стоило это все сущие копейки! Чтобы насытить здоровый организм молодого парня, приходилось покупать сразу несколько порций и соединять их в одну более или менее приемлемую. Бедный рацион отлично дополняли хлебобулочные изделия, выпекаемые местными поварами, и вкус тех плюшек, пышных, сладких, с маком и корицей, с лимоном и клубничным джемом, Виктор тоже не мог забыть.

Глядя на Илью, безразлично ковыряющего вилкой творожную запеканку, он спрашивал себя, как столь амбициозная, судя по отзывам однокурсников, девушка, как Катя Уткина, могла крутить шашни с таким «ботаником»? Ведь ни кожи ни рожи... Немудрено, что она бросила его, как только на горизонте замаячили более заманчивые перспективы!

— Значит, вы расстались... когда, говоришь?

Логинов задал этот вопрос после того, как Илья подтвердил, что когда-то встречался с жертвой.

— Да давно уже, — как бы нехотя процедил парень. — Мы познакомились во время вступительных экзаменов... Не представляю, как она вообще прошла